

Книжная полка

УДК 27-1(049.32)

DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-103-114

Второй всадник Апокалипсиса: Рене Жирар читает Клаузевица

Арсений Д. Куманьков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, akumankov@hse.ru*

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу антрополога и теолога Рене Жирара «Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром». Автор рассматривает ключевые идеи книги в их отношении к более ранним работам Жирара. Также анализируется интерпретация Жираром книги «О войне» Карла фон Клаузевица. Высказывается предположение, что Клаузевиц выступает для Жирара не в качестве философа войны, а в роли пророка миметической теории самого Жирара.

Ключевые слова: Жирар, Клаузевиц, насилие, война, миметизм, терроризм, тотальная война

Для цитирования: Куманьков А.Д. Второй всадник Апокалипсиса: Рене Жирар читает Клаузевица // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2019. № 2. С. 103–114. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-103-114

The Second Horseman of the Apocalypse: René Girard's Reading of Clausewitz

Arseniy D. Kuman'kov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, akumankov@hse.ru*

Abstract. The article is a review of the book by anthropologist and theologian René Girard “Battling to the End: Conversations with Benoit Chantre”. The author examines the key ideas of the book in their relation to earlier works of Girard. Girard's interpretation of the book “On war” by Carl von Clausewitz

© Куманьков А.Д., 2019

is also analyzed. It is suggested that Clausewitz acts for Girard not as a philosopher of war, but rather as a prophet of the mimetic theory of Girard himself.

Keywords: Girard, Clausewitz, violence, war, mimetism, terrorism, total war

For citation: Kuman'kov AD. The Second Horseman of the Apocalypse: René Girard's Reading of Clausewitz. *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;2:103-14. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-103-114

На русском языке появился перевод последней крупной работы франко-американского антрополога и теолога Рене Жиара (1923–2015) «Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон» [1]. Книга опубликована издательством ББИ, в котором ранее уже выходили жираровские «Вещи, сокрытые от создания мира» [2] и «Я вижу Сатану, падающего, как молния» [3]. Перевод, а также предисловие к русскому изданию выполнены отечественным специалистом по проблематике религиозного насилия Алексеем Зыгмонтом, человеком, глубоко вчитавшимся в Жиара и круг важнейших для него авторов и к тому же уже не раз писавшим о Жираре.

По-русски теперь доступны все основные книги Жиара о насилии (к названным выше стоит также добавить «Насилие и священное» [4] и «Козел отпущения» [5]). И новое издание, безусловно, заслуживает внимания, особенно если вы следили за постепенным завоеванием Жираром своего места в российском интеллектуальном пространстве и хотите получить цельное представление об эволюции его взглядов на насилие, войну и историю. Книга будет полезной также всем, кто пытается разобраться в природе (религиозного) терроризма (неспроста на обложке изображен разрушенный в ходе терактов 11 сентября 2001 г. комплекс Всемирного торгового центра), холокоста или геноцида. Воздержаться от чтения стоит, пожалуй, только специалистам по Клаузевицу, благо в России их совсем немного.

Книга «Завершить Клаузевица» (фр. название *Achever Clausewitz*) появилась в 2007 г. Она выполнена в несколько нетипичном для современной академической литературы формате. Это диалог. Рене Жирар беседует с литературным критиком Бенуа Шантрон, одним из членов Ассоциации миметических исследований в Париже. Книга состоит из введения, восьми частей и эпилога. Спектр тем, поднимаемых в этих диалогах, крайне широк. Клаузевиц занимает в них далеко не центральное место. Во всяком случае, порой создается впечатление, что о нем вспоминают как бы вдруг. Возможно, даже больший акцент сделан на истории и значении христианства,

на необходимости подражать Христу, на художественной литературе, на истории взаимоотношений Франции и Германии. Иногда Жирар даже пускается в военную аналитику, когда разбирает причины поражения Франции в начале Второй мировой войны.

Проделав в предыдущих книгах работу по обнаружению корней социального насилия, Жирар сформулировал миметическую теорию и показал возможности ее ретроспективного применения для исследования архаической мифологии и религии. Миметическая природа насилия, попытка преодоления взаимной ненависти посредством убийства козла отпущения и невозможность принесения жертвы после казни Христа формируют фон для рассуждений Жирара о вызовах современности. Жирара интересуют глобальные события эпохи модерна и линия напряжения Германия–Франция, но более всего он обеспокоен будущим человечества. В предисловии Алексей Зыгмонт достаточно ясно объясняет, по каким траекториям развивались жираровская миметическая теория и концепция жертвенности начиная с 60-х годов прошлого столетия. На внутреннем контексте взглядов Жирара можно в данном случае не останавливаться, сконцентрировавшись на том, как Жирар читает Клаузевица и зачем он вообще к нему обращается.

Рене Жирара крайне сложно описать, пытаясь навязать ему институциональные рамки [6]. Он был одновременно и филологом, и историком, и антропологом, и философом. В «Завершить Клаузевица» Жирар выступает, возможно, в наиболее естественном для себя образе – как теолог и проповедник. Саму книгу в меньшей степени стоит рассматривать как работу о Клаузевице. По существу, перед нами «книга об апокалипсисе», о чем автор прямо и заявляет во введении. Человечество устремляется к своей гибели. Мировые войны, геноцид, ядерное оружие, разрушение самой среды своего существования – все это сотворено руками человека. И поскольку виноваты в бедствиях человечества сами люди, участь их – «в озере, горящем огнем и серою». Апокалиптические тексты не предсказывают, а описывают будущие страдания. Тексты Жирара, прояснявшие отпадение от точки альфа, делают зримым стремительное приближение к точке омега. В «Завершить Клаузевица» Жирар лишь уточняет то, что должно было бы быть понято из работ предыдущих десятилетий.

Спасение и приобщение к божественности Христа возможно только в случае отказа от насилия. Именно для того чтобы доказать (не)возможность спасения, Жирар обращается к Клаузевицу. Прусский генерал для него не просто один из теоретиков войны, стратег и историк. Жирар видит в нем нечто большее – одного из пророков

апокалипсиса, который открыл для себя грядущее самоуничтожение человечества, а также распознал роль миметизма в этом процессе. Завершить Клаузевица (ранее также встречался вариант перевода «Додумать Клаузевица» [7 с. 1–7]) или довести его войну до конца — на английском название книги дано как «*Battling to the End*» — означает досказать за него то, что он сам не осмелился или не пожелал сказать: насилие губительно и лишь война с насилием посредством обращения к религии может позволить человеку найти дорогу в Царствие Божье.

Итак, Жирар вскрывает истинный, религиозный смысл трактата Клаузевица «О войне». Такой подход к чтению абсолютно типичен для Жирара. Алексей Зыгмонт уже отмечал это: «Жирар с его конспирологическим подходом к чтению текстов особенно интересуются теми авторами, которые, будучи движимы миметическим соперничеством и глубинным ресентиментом, что-то поняли, но не могут выразить или недоговаривают» [8 с. 31]. Возможно, в случае с Клаузевицем удивляет сам выбор фигуры для «завершения». Клаузевиц обладает репутацией рационального, строгого, реалистического автора, казалось бы, не предполагавшего эзотерического прочтения. Его часто воспринимают буквально и прямо, а еще чаще объявляют устаревшим и неуместным. Атаки на него начались уже в XIX в. Крупнейший германский стратег Эрих Людендорф громил теорию войны Клаузевица в своем сочинении о тотальной войне [9]. Ограничение войны политикой казалось Людендорфу не соответствующим эпохе, в которой война должна определять все сферы человеческого существования. Сталин смотрел на Клаузевица как на представителя немецкой военной идеологии, которая, дважды навязав мировую войну, была бита. Авторитет Клаузевица казался ему смешным. С уважением к нему, теоретику мануфактурной войны, равно как и с почитанием Людендорфа, он предлагал покончить [10 с. 21–24]. И все же текст Клаузевица о войне продолжает притягивать к себе внимание, и Жирару он также кажется полезным.

Жирар, как и многие читатели Клаузевица, наибольшим вниманием достаивает первую главу первой части «О войне». Несмотря на периодические оговорки о том, что вместе с Бенуа Шантрон они очень тщательно изучили и разобрали текст, собеседники катастрофически редко обращаются к оставшимся семи частям. Что особенно удивительно, поскольку наиболее интересная Жирару тема абсолютной войны прорабатывается Клаузевицем именно в неоконченных набросках к восьмой части. Жирар утверждает, что он с большим вниманием относится к фигуре Клаузевица. В фактах биографии Клаузевица он пытается увидеть знаки будущих прозрений

генерала-писателя. Но на самом деле и Жирар, и Шантр допускают массу ошибок при обсуждении жизненного пути Клаузевица.

Так, например, несколько раз повторяется, что Клаузевиц (1780–1831) участвовал в сражении при Вальми 20 сентября 1792 г. и после этого многое понял о сущности войны. Возможно, Клаузевиц действительно был гением философии войны, и в 12 лет его ощущение происходящего ничуть не отличалось от взгляда генерала, разрабатывающего теорию военного конфликта. Но проблема в том, что все основные биографии Клаузевица либо ничего не говорят на счет действий Клаузевица при Вальми, либо утверждают, что первый боевой опыт Клаузевиц получил во время осады Майнца в 1793 г. [11–13 р. 29]. В это заставляет поверить и тот факт, что 34-й пехотный полк, в котором служил Клаузевиц, не числится среди участников сражения и прибыл к театру военных действий несколькими месяцами спустя.

Также несколько раз Жирар повторяет, будто Клаузевиц умер в Берлине в должности директора Прусской военной академии. Но с сентября 1830 г. Клаузевиц находился в Бреслау в действующей армии, где занимал должность инспектора артиллерии. Там он участвовал в подавлении польского восстания и там же умер в 1831 г. от эпидемии холеры, которая среди прочих унесла жизни его друга и учителя Августа фон Гнейзенау и Георга Вильгельма Гегеля. Можно усомниться также и в имевшихся у Клаузевица политических амбициях, на чем настаивают Жирар и Шантр. Хотя несомненно, что его не удовлетворяла оценка его военных талантов и холодность к нему короля и министров.

Доходит до парадоксальных вещей. Эзотерическое чтение позволяет Жирару утверждать, что материал, который успел подготовить Клаузевиц, не должен нас вводить в заблуждение, на самом деле он хотел бы написать совсем о другом. Из-под его пера обязан был выйти текст о миметическом принципе, но Клаузевицу пришлось посвятить сотни страниц военной стратегии из-за поста, который он занимал в военной академии [1 с. 32]. Согласиться с этим – значит признать, что конъюнктурные соображения заставили незаурядного человека отдать полтора десятка лет своей жизни сочинению, которое он не хотел писать.

Почему происходят все эти искажения и ошибки? Почему, несмотря на оговорки о значимости биографии, Жирар так небрежно относится к фигуре прусского генерала? Клаузевиц как таковой, по моему мнению, не очень интересует Жирара. Ключевой для Жирара тезис Клаузевица об устремлении войны к крайности и заложенном в каждый акт насилия потенциале радикализироваться и обратить-

ся в абсолютную свою форму выводится Жираном за контекст рассуждений Клаузевица о войне эпохи модерна, стратегии и военной истории. Собственно то, что Жирар не обращается к историческим сочинениям Клаузевица о различных кампаниях наполеоновских войн, уже показательно. Прусский генерал для Жирара автор даже не одной книги, а одного прозрения. Примечательным образом Бенуа Шантр замечает, что Клаузевиц преодолел «границы своей области знания» [1 с. 223]. Участников диалога интересует не Клаузевиц-стратег и даже не совсем Клаузевиц как философ войны, но в первую очередь Клаузевиц-антрополог, разглядевший в войне то, что думал о ней сам Жирар.

Прусский генерал предстает в образе апостола военной религии, пророка апокалипсиса. Клаузевиц должен помочь читателю разобраться в христианстве, истории, политике, в конце концов, в сущности насилия и возможности сопротивления ему. Когда Жирар утверждает что-то о Клаузевице, он почти никогда ничего не обосновывает, не доказывает, не приводит факты и крайне редко использует цитирование. Прочтение «Завершить Клаузевица» как исследования о «философии войны» не вызовет ничего, кроме отторжения. Фразы вроде «Клаузевиц пытается как-то замазать им же открытые глубокие щели» [1 с. 21] не позволяют продвинуться по тексту. Поверить в то, что Клаузевиц действительно переживал войну как апокалиптическое состояние и боялся этого, крайне сложно. Если читатель собирается завершить чтение «Завершить Клаузевица», то он должен быть готов смириться с той особой ролью, которую отводит Жирар Клаузевицу, назначая его проводником в мир миметического кризиса. В конечном итоге книга посвящена именно этому.

Эксплицитно Клаузевиц описывает регулярную, симметричную войну, характерную для долгого XIX в. Это война двух равных в своем правовом и моральном статусе субъектов политики, двух государств. Оба они знают правила и обычаи ведения войны, вступают в расширенное единоборство, своеобразную дуэль, используя в виде средства борьбы регулярные армии. Именно такая война понимается как продолжение политики, она полностью подчинена политической сфере, дающей ей финальные цели. Собственные цели войн, к которым относятся уничтожение неприятельских сил или постановка их в невыгодное положение, всегда определяются политическими. В войне проявляются природный инстинкт, дух и рассудок. Каждому соответствует свой носитель: народ, армия и полководец, правительство. Вольфганг Палафер, один из современных последователей Жирара, назвал интерпретацию Клаузевица,

останавливающуюся на этом, успокаивающей [14 с. 60–61]. Нам может показаться, что война, подчиненная политике и ограниченная международным правом, со временем отступает и перестает быть возможной, особенно в цивилизованных странах. Эту самоуспокоенность Клаузевица, его настойчивое стремление видеть в войне ограниченную силу, сдерживаемую политикой, обычаями, неспособностью людей в действительности дойти до крайности в применении насилия, отмечают и сам Жиран, и его комментаторы – Майкл Кирван [15 с. 241] и Скотт Кауделл [16 р. 5, 164].

Но вспомним предупреждение самого Клаузевица: «Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает» [17 с. 2]. На самом деле, по мнению Жирана, описание Клаузевицем регулярной войны лишь часть того, что прусский генерал понимает о войне. Клаузевиц подводит нас к реальности другого порядка, прорывается к трансцендентной по отношению к регулярной войне форме – к войне абсолютной, если пользоваться словарем самого Клаузевица, или тотальной, как описывает ее Жиран.

Через весь текст Жиран пронесит определение наполеоновских войн, в которых довелось участвовать Клаузевицу, как тотальных. Соответственно и Клаузевиц становится для Жирана преимущественно теоретиком тотальной войны. Фактически это неверно. Клаузевиц действительно пишет о возможности устремления войны к крайности. Но существенным для него остается неизбежное отличие войны бумажной от войны действительной. Естественным ограничением войны служат всевозможные трения. Страх, эмоциональное состояние войск, их усталость и даже погодные условия – все оказывает влияние на то, как в действительности будут реализованы планы генералов и чего именно удастся добиться. Войне крайне сложно принять свой абсолютный облик в силу воздействия на нее «непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа» [17 с. 521]. Не всегда она идет, сообразуясь с законами разума и во имя определенных изначально целей. А самое главное, что война всегда остается ограниченной политическими мотивами и целями. То есть, философское, идеальное понятие войны далеко от того, что имеет место в действительности. Взаимному применению насилия нет пределов только в теории.

Немаловажно также и то, что Клаузевиц сохраняет и значимое для его времени жесткое различие военных и гражданских лиц. Как уже было отмечено выше, Клаузевиц предлагает тринитарную

концепцию войны. Собственным значением обладает вклад каждой участвующей силы: народа, армии, правительства. Но роль гражданского населения, народа крайне ограничена. Народ оказывается носителем психологического элемента войны, связанного с переживанием ненависти и вражды: «Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала» [17 с. 18]. Иными словами, народ должен выступить в качестве катализатора насилия, породить разряд ненависти. Но управляют этой ненавистью и делают ее актуальной совсем другие силы: правительство и армия. Войско представляет собой лишь незначительную часть народа, поэтому невозможно говорить о тотальном участии в войне всего народа. Все это станет возможным лишь через несколько поколений после Клаузевица. Должен появиться барон Кольмар фон дер Гольц с его книгой «Вооруженный народ» [18], должна наступить эпоха масс, крупного промышленного производства и тотальной мобилизации. Только тогда получится перевести на военные рельсы все сферы общественной жизни и подчинить политику войне.

Тем не менее понимание войны Клаузевицем действительно очень близко жираровской концепции миметического конфликта. Можно только пожалеть, что Жирар не подвергает текст «О войне» подробному анализу при помощи своей теории. Клаузевиц описывает войну как расширенное единоборство (или поединок, как в издании предлагается переводить слово *Zweikampf*) двух противников. Противники подражают один другому в использовании насилия и становятся неразличимы. «Враждебным меня делает враждебность соперника и *vice versa*» [1 с. 60], как формулирует это Жирар. Поединок обладает потенциалом довести противников до крайности – если бы противники могли, в процессе противоборства они использовали бы неограниченное насилие. В ход идут все возможные силы. Удачным представляется определение, которое российский исследователь эсхатологической концепции Жирара С.С. Хоружий дает понятию «устремление к крайности»: «универсальный механизм неограниченной эскалации насилия за счет подражательного, но с превышением, парирования вызовов противника» [19 с. 114]. В этом все возрастающем росте враждебности открывается, что рациональность несколько не чужда насилию. Скорее она позволяет стать ему более изощренным. Неудивительно, что у Канта появляются рассуждения о дьявольских средствах ведения войны, использование которых сразу же превращает войну в истребительную и часть из которых (шпионаж, отравление) продолжает применяться и в мирное время, абсолютно извращая его [20 с. 11].

Возможности человека контролировать войну весьма ограничены, поскольку в войне заключены «взрывные силы» и «процессы брожения» [17 с. 15, 419]. Амбивалентность прогресса состоит в том, что совершенствованию условий существования человека и в особенности постоянному приросту знаний о мире всегда сопутствует привязанность к примитивным насильственным формам. Объединение христиан Европы порождает Крестовые походы, становление французской нации в ходе революции – наполеонизм, стремление немцев создать единое государство – пангерманизм. Двадцатый век с его «всемирной гражданской войной», нарастанием асимметричности войны и плюрализмом вовлеченных в нее сил лишь подтверждает опасения Жирара. Иррегулярность войны негативным образом сказывается на возможности контролировать ее при помощи международного права, обычаев войны или иных средств. В этом союзником Жирара становится Карл Шмитт. В «Теории партизана» Шмитт предупреждает о росте тотальности войны и тотальном обесценивании врага, который все чаще оценивается не с точки зрения права, а с позиций морали как Зло, подлежащее истреблению [21 с. 142–143]. Жирар при этом периодически подчеркивает якобы характерные для Шмитта надежды найти новое правовое определение войны с тем, чтобы ограничить ее и вернуть в законные пределы. Тем самым совершенно игнорируется пессимизм, с которыми написаны и «Теория партизана», и предшествующий ей «Номос земли».

Терроризм нашего времени также оказывается одновременно примитивной, «варварской» и современной формой борьбы. Он рассматривается как ответ на совершенство техники, как производное от отступления политики перед силой оружия. Терроризм представляет собой одну из наиболее острых опасностей современности уже в силу того, что мы не вполне понимаем его (хотя, возможно, еще опаснее утрата различия рукотворного и природного насилия, проявляющая себя в экологических катастрофах). Что еще хуже, мы и не хотим понять его, разобраться в нем, идя по пути контртеррористических войн и пропаганды. Рассуждения о терроризме, представленные в эпилоге, а не глава о Папе, представляют, на мой взгляд, кульминационную точку всего текста. Можно отбросить всю патетику Жирара-теолога и увидеть, что за ней скрывается крайне важная теория насилия. Миметическая интерпретация терроризма в эпилоге как минимум заслуживает внимания. И вполне возможно, что она проясняет его сущность куда лучше, нежели манихейское толкование, сводящее все к борьбе сил зла против добра, стоящего на страже человеческой цивилизации.

Опасность, которую фиксирует Жиран, заключается в том, что все это время мы не шли по пути прогресса к вечному миру. И если кому-то казалось обратное, то он был просто слепцом, не заметившим, что мы приближаемся к вечному покою «на гигантском кладбище человечества», используя выражение Канта. Наивной ошибкой было поверить в укрощение насилия в эпоху ядерного сдерживания и холодных войн. Не стоило надеяться на снятие характерной для биполярного мира напряженности в связи с крушением Советского Союза. Мы сами ковали свое несчастье и породили угрозу уничтожения человечества как такового. Клаузевиц помогает Жирану разобраться в этом, играя роль пророка абсолютной, тотальной войны, вышедшей из подчинения политике или какой-либо другой системы целеполагания. И хотя опасность абсолютизации войны рассматривается Клаузевицем лишь как гипотетическая угроза, сама по себе эта тема заслуживает внимания два столетия спустя после появления книги «О войне», когда волны насилия стали бить с перехлестом.

Позиция Жирана одновременно пессимистичная и оставляющая надежду. За Паскалем он повторяет «люди, увидев, что им не удастся сделать справедливость сильной, порешили сделать силу справедливой» (Цит. по: [1 с. 269, ср. 22 с. 103]). Критика насилия и войны, пусть даже и явленная в форме теории справедливой войны, призывающей серьезнейшим образом ограничить войну, сделать ее почти невозможной, может считаться лишь временной мерой. Сопротивление может состоять только в том, чтобы усилить справедливость и истину. Но в конечном итоге – Жиран все-таки должен высказаться и как теолог – в битве истины с насилием единственное, на что можно положиться, это не знание и не стратегия, а вера и подражание Христу. Если мы хотим сделать что-то с насилием, мы должны обратиться к религии. Это прозрение не Клаузевица, а Жермены де Сталь. Возможно, попытку завершить Клаузевица нельзя назвать успешной, но бесспорно Жиран многое додумывает в этой книге относительно миметической теории.

В заключение несколько слов о технических деталях. Книга выиграла бы, будь она издана в чуть более академическом формате. Это не относится к содержательной части текста. Но книгу можно было бы дополнить библиографическим списком, а главное – индексом (в англоязычном издании). Клаузевиц главный, но не единственный герой Жирана. Жиран много внимания уделяет Гельдерлину, Наполеону, Жермене де Сталь, Гегелю, Карлу Шмитту, Раймону Арону, Эммануэлю Левинасу и еще одному философу-теологу – Блезу Паскалю. Некоторые из них смогли что-то понять о насилии, но недо-

статочно полно, другие смогли разгадать всю сущность миметизма и описать его поэтически. Связать их единой системой навигации было бы крайне полезно. Безусловно, это относится не к издательству ББИ (его можно попросить лишь использовать длинное тире в соответствующих местах), а в первую очередь к французскому издателю. Перевод представляется вполне удачным. Более того, Алексей Зыгмонт попутно правит перевод «О войне» Клаузевица, который не обновлялся с 1934 г. Вполне возможно, что прежде чем завершать Клаузевица, его еще следует перевести, перечитать и понять.

Библиография/References

1. *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / Пер. с фр. А. Зыгмонта. М.: ББИ, 2019. [Complete Clausewitz. A conversation with Benoit Chantre]
2. *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2016. XIV + 518 с. [Things Hidden Since the Foundation of the World]
3. *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015. XVIII + 202 с. [I See Satan Fall Like Lightning]
4. *Жирар Р.* Насилие и священное. М.: НЛО, 2010. 488 с. [Violence and the Sacred]
5. *Жирар Р.* Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с. [The Scapegoat]
6. *Зенкин С.Н.* Жирар — теоретик судьбы. Памяти Рене Жирара, мыслителя века, «озабоченного жертвами». 2015. URL: <http://gefeter.ru/archive/16562> (Дата обращения: 17.12.2018) [Girard – theorist of the fate. To the Memory of Rene Girard, the thinker of the century “concerned with victims”]
7. От редакции // Фонарь Диогена. 2016. № 2. С. 1–7. [From the Editors]
8. *Зыгмонт А.И., Дюков Д.А.* Философия насилия и сакрального Жоржа Батая и Рене Жирара в сравнительной перспективе // Религиоведческие исследования. 2017. № 1(15). С. 29–72. [George Bataille’s and Rene Girard’s Philosophy of Violence and the Sacred in Comparative Perspective]
9. *Людendorф Э.* Тотальная война. М.: Эксмо, 2015. 442 с. [Total War]
10. *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину // Сталин И.В. Соч. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 21–24. [Answer to Comrade Razin]
11. Eftimova, Bellinger V. (2015) *Marie Von Clausewitz: The Woman Behind the Making of On War*. Oxford University Press.
12. Parkinson, R. (2002) *Clausewitz: A Biography*. Cooper Square Press.
13. Paret, P. (2007) *Clausewitz and the State: The Man, his Theories, and his Times*. Princeton University Press.

14. *Палафер В.* Война и политика: Клаузевиц и Шмитт в свете миметической теории Жирара // Фонарь Диогена. 2016. 2. С. 60–78. [War and Politics: Clausewitz and Schmitt in the Light of Girard's Mimetic Theory]
15. *Кирван М.* «Между политикой и апокалипсисом»: теополитические истолкования современного мирового кризиса // Политическое богословие. М.: ББИ, 2018. [Between Politics and Apocalypse: the Theopolitical Interpretation of the Contemporary World Crisis]
16. Cowdell, S. (2013) *René Girard and Secular Modernity: Christ, Culture, and Crisis*. University of Notre Dame Press.
17. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 682 с. [On War]
18. *Гольц К., фон дер.* Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время барона Кольмара ф. д. Гольц, подполк. королевско-прусской службы. СПб.: Воен. тип., 1886. [The Nation in Arms]
19. *Хоружий С.С.* Современность и эсхатология: Рене Жирар и парадигма спасения в последний миг // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 111–120. [Modernity and Eschatology: René Girard and the Paradigm of the Salvation at the Last Moment]
20. *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. 495 с. [Works in 8 Volumes]
21. *Шмитт К.* Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с. [Theory of the Partisan]
22. *Паскаль М.* Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с. [Thoughts]

Информация об авторе

Арсений Д. Куманьков, кандидат философских наук, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия; Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; akumankov@hse.ru

Information about the author

Arseniy D. Kumankov. Cand. of Sci (Philosophy), National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, Russia; akumankov@hse.ru